

Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России

В. А. Мальцева, А. И. Шабалин

Статья поступила
в редакцию
в декабре 2020 г.

Мальцева Вера Андреевна — кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник Центра развития навыков и профессионального образования Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: vamaltseva@hse.ru (контактное лицо для переписки)

Шабалин Алексей Игоревич — эксперт Центра развития навыков и профессионального образования Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: ashabalin@hse.ru

Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.

Аннотация

С середины 2010-х годов в России происходит перераспределение потоков абитуриентов между вузами и колледжами в пользу последних: все больше школьников предъявляют спрос на среднее профессиональное образование. Выбор послешкольной образовательной траектории тесно связан с социально-экономическим положением семьи, поэтому изменение паттернов образовательных переходов может быть индикатором как перемен в системе образования, так и сдвигов в социально-экономической ситуации в стране в целом. В существующих исследованиях растущий контингент колледжей преимущественно объясняется факторами, «выталкивающими» учащихся из систем общего и высшего образования, а также популярностью у российских школьников «обходного маневра» — транзитной траектории «из колледжа в вуз».

В статье предпринимается попытка определить, происходит ли подлинное увеличение спроса на СПО, что может стоять за ним, помимо факторов внутри системы образования, имеет ли это изменение социально-экономические основания. В результате исследования удалось развеять миф о расширении сектора СПО за счет транзитной траектории «из колледжа в вуз». Спрос на профессиональную образовательную траекторию растет вне «обходного» маневра, при этом не только среди окончивших 9-й класс, т. е. на главной развилке образовательных траекторий, но и среди 11-классников. Меняющийся спрос на программы СПО вскрыл ригидность системы СПО, которая проявляется в отставании структуры контрольных цифр приема от спроса на специальности, разрастании платного приема, «невидимом» спросе 11-классников. Растущая популярность трека СПО — следствие взаимно усиливающих друг друга факторов со стороны системы образования, негативной экономической динамики и состояния рынка труда. Основным триггером растущего спроса на программы СПО выступает сжатие реальных доходов домохозяйств, что вкупе со снижением доступности высшего образования «выталкивает» школьников с невысоким социально-экономическим статусом из академического трека.

Ключевые слова среднее профессиональное образование, послешкольная образовательная траектория, высшее образование, социально-экономическое неравенство, транзитная образовательная траектория.

Для цитирования Мальцева В. А., Шабалин А. И. (2021) Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. № 2. С. 10–42. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>

The Non-Bypass Trajectory, or The Boom in Demand for TVET in Russia

V. A. Maltseva, A. I. Shabalin

Vera Maltseva, Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor, Research Fellow, Center for Vocational Education and Skills Development, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics. E-mail: vamaltseva@hse.ru (corresponding author)

Alexey Shabalin, Expert, Center for Vocational Education and Skills Development, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics. E-mail: ashabalin@hse.ru

Address: 20 Myasnitskaya Str., 101000 Moscow, Russian Federation.

Abstract Since the mid-2010s, Russia has been witnessing a redistribution of student flows between higher education and TVET (Technical and Vocational Education and Training), more and more school leavers applying to TVET institutions. Postsecondary educational choices are closely associated with socioeconomic status of the family, so changes in the patterns of educational transitions may indicate both changes in the education system and shifts in the national socioeconomic system. In available literature, the growing enrollment in TVET is mostly explained by “push” factors repulsing students out of secondary and higher education systems and by the so-called “bypass maneuver” of accessing college via TVET that is popular among Russian school leavers.

This article attempts to find out whether the demand for TVET is actually increasing, what may stand behind it apart from the factors within the education system, and whether there is a socioeconomic dimension to this change. Research results allow debunking the myth of the TVET sector growing by virtue of using TVET programs as a springboard to college. Demand for vocational educational trajectories is growing beyond the “bypass maneuver”—not only among middle school graduates, who are at the main fork in educational trajectories, but also among high school leavers. Changes in the demand for TVET programs has exposed rigidity of the TVET system, which manifests itself in enrollment capacity being unable to satisfy the demand for particular specialization, excessive growth in tuition-based enrollment, and the “invisible” demand from high school leavers. The increasing popularity of the vocational track results from the mutually reinforcing factors in the education system, negative economic growth, and labor market situation. The most important trigger behind the growing demand for TVET is the shrinkage of household disposable income: coupled with reduced access to higher education, it “pushes” school leavers with low socioeconomic status out of the academic track.

Keywords bypass maneuverer, higher education, postsecondary educational choices, socioeconomic inequality, transit educational trajectory, TVET.

For citing Maltseva V. A., Shabalin A. I. (2021) Ne-obkhodnoy manevr, ili Bum sprosa na srednee professional'noe obrazovanie v Rossii [The Non-Bypass Trajectory, or The Boom in Demand for TVET in Russia]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 10–42. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>

Поступать в колледж или в вуз? Такая альтернатива кажется мнимой, учитывая сохранение высокого социального запроса на высшее образование¹ и более значительную отдачу от диплома вуза [Melianova et al., 2020]. Однако с середины 2010-х годов в России происходит перераспределение потоков школьников между вузами и колледжами в пользу последних. Более половины поступивших на программы третичного образования² в 2020 г. — это студенты колледжей. Рост популярности среднего профессионального образования и сжатие академического трека — не только сигнал для системы образования, но и важный индикатор социально-экономической ситуации в стране. Выбор послешкольной образовательной траектории тесно связан с социально-экономическим положением семьи [Хавенсон, Чиркина, 2019; Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018], а изменение паттернов образовательных переходов может быть признаком углубления социально-экономического неравенства.

Смена тренда в охвате молодежи средним профессиональным (СПО) и высшим образованием и рост контингента колледжей в 2010-е годы уже фиксировались в ряде исследований [Дудырев и др., 2019; Константиновский, Попова, 2020; Клячко и др., 2019; Малиновский, Шибанова, 2020]. При этом тренд на перераспределение контингента между вузами и колледжами в пользу СПО, как считают эксперты, будет только укрепляться, во-первых, вследствие изменений в системе общего образования — повышения селективности старшей школы [Дудырев, Романова, Шабалин, 2017], во-вторых, из-за снижения территориальной и экономической доступности высшего образования [Малиновский, Шибанова, 2020]. Однако помимо «выталкивающих» факторов со стороны общего и высшего образования эксперты выделяют и внешние причины. Например, обсуждается изменение ценности диплома вуза для молодежи в условиях трансформаций на рынке труда [Константиновский, Попова, 2020].

Согласно другой трактовке причиной расширения сектора СПО стала популярность у российских школьников траектории «девять классов — колледж — вуз» как менее рискованного пути к высше-

¹ По данным всероссийского опроса граждан РФ 18 лет и старше, проведенного Фондом общественного мнения в июле 2020 г.: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436>

² К третичному образованию относятся программы послешкольного образования — среднее профессиональное (за исключением программ подготовки рабочих и служащих) и высшее.

му образованию [Беляков, Клячко, Полушкина, 2018; Константиновский, Попова, 2018]. В вузы идут 30% выпускников российских колледжей. Однако популярность транзитной траектории не объясняет сжатие приема на программы высшего образования. Обсуждение «обходного» маневра смещает фокус внимания на выбор траектории после окончания девяти классов, хотя развилка после 11-го класса и изменение настроений школьников, преодолевших селективную старшую школу, представляют собой не менее важную составляющую обсуждаемой проблемы. Одиннадцатиклассники оказываются перед непосредственным выбором между колледжем и вузом, и здесь социально-экономические факторы проявляют себя сильнее [Хавенсон, Чиркина, 2018].

Без учета этого выбора остается неясным, есть ли расширение спроса школьников на «настоящий», не-транзитный трек СПО? Только ли «выталкивающие» факторы в системе общего и высшего образования стоят за растущей популярностью СПО у российской молодежи? Возрастающий спрос на СПО может быть как реакцией на ухудшение экономической ситуации и снижение доступности высшего образования, так и индикатором доверия к треку СПО и изменений в востребованных у молодежи образовательных и трудовых траекториях. Мы не представим в данной статье исчерпывающее объяснение наблюдаемого роста популярности трека СПО у российских школьников, но рассчитываем дополнить существующие объяснения, ответив на следующие вопросы.

1. Произошли ли значимые изменения в спросе школьников на программы СПО? Можно ли говорить о подлинном росте спроса на трек СПО? Как отреагировала система СПО на увеличение потоков?
2. Что может стоять за меняющимся спросом молодежи на СПО, помимо «выталкивающих» факторов, исходящих от системы общего и высшего образования? Имеет ли перераспределение потоков между колледжами и вузами социально-экономические основания?

Для оценки спроса школьников на образовательные траектории в статье используются данные о фактическом приеме и количестве поданных заявлений³ из форм Федерального статистического наблюдения СПО-1 и ВПО-1. При этом данные о приеме очищены до поступающих в год окончания основного общего (9 классов) и среднего общего образования (11 классов), что особенно важно

³ В отличие от приема в вузы, где количество подаваемых заявлений регламентируется и варьирует от года к году, система СПО не ограничивает их максимальное число. Поэтому количество поданных заявлений, указываемых в формах Федерального статистического наблюдения № СПО-1, можно считать адекватным индикатором спроса абитуриентов.

при анализе сектора СПО, имеющего очень разнородный контингент обучающихся.

Статья состоит из шести разделов. В первом представлен обзор академической дискуссии о мотивах выбора профессиональной образовательной траектории. Во втором разделе описано произошедшее в 2010-е годы расширение сектора СПО и охвата им молодежи в России. В третьем разделе обсуждается рост популярности трека СПО на основе анализа потоков школьников после 9-го и 11-го класса. В четвертом разделе анализируется реакция системы СПО на увеличение контингента и изменение спроса школьников на программы подготовки. В пятом разделе причины возросшей привлекательности трека СПО рассматриваются через призму социально-экономических факторов. Статья завершается дискуссией о перспективах системы СПО перед лицом новых вызовов.

1. Обзор дискуссии о мотивах выбора трека СПО

Образование — важнейший канал социальной мобильности, поэтому исследования послешкольных образовательных траекторий составляют значимую часть дискурса в области изучения социально-экономического неравенства [Чиркина, 2018]. Причины и условия выбора академической (старшая школа — вуз) или профессиональной (учреждения СПО) траектории часто обсуждаются в русле теории максимально поддерживаемого неравенства [Raftery, Hout, 1993] и теории эффективно поддерживаемого неравенства [Lucas, 2001]. Выбор послешкольной траектории зависит не только от академической успеваемости, но и от ресурсов, мотивации и ценностей, формируемых в семье. Интегральным показателем, определяющим послешкольную образовательную траекторию, выступает социально-экономическое положение (СЭП) семьи. Под СЭП понимается уровень образования, уровень дохода и престижность профессии родителей. Так, по данным лонгитюдного проекта «Траектории в образовании и профессии», родители имеют высшее образование у 65,2% российских школьников, выбравших академическую траекторию, у 42,1% тех, кто предпочел транзитную траекторию «девять классов — колледж — вуз», и только у 25% избравших трек СПО [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018]. Исследователи считают СПО выбором наименее благополучных социальных групп, вынужденной в социально-экономическом смысле траекторией [Александров, Тенишева, Савельева, 2015; Константиновский, Попова, 2018].

Эмпирические исследования на российских данных [Хавенсон, Чиркина, 2018; 2019; Бессуднов, Малик, 2016; Попов, Тюменева, Ларина, 2013] показали, что у 9-классников выбор трека СПО объясняется первичными эффектами положения семьи [Boudon, 1974] — успеваемостью, которая во многом опосредуется СЭП семьи. При этом транзитная траектория «девять классов — СПО — вуз» может быть подходящей опцией для школьников с высоким СЭП, но не

достаточно успешных академически: на российских данных показано, что транзитную траекторию нередко выбирают выходцы из семей с высоким СЭП как менее рискованную стратегию поступления в вуз [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018].

В выборе после 11-го класса определяющая роль принадлежит вторичным эффектам, т. е. непосредственно социально-экономическому статусу семьи [Хавенсон, Чиркина, 2018]. Вторичный эффект СЭП семьи подразумевает прямое воздействие на выбор траектории [Boudon, 1974]. В системе ценностей семей с большими доходами и высоким уровнем образования родителей высшее образование имеет высокий ранг, дети в таких семьях усваивают семейные установки, и у них формируется мотивация к получению образования. Таким образом, социально-экономические характеристики семьи напрямую сказываются на выборе траектории после 11-го класса.

Косвенный индикатор СЭП — тип населенного пункта, где проживает семья. Выпускники городских школ после 11-го класса чаще идут в вуз: им университеты более доступны территориально, а переезд из сельской местности сопряжен с дополнительными сложностями и затратами [Константиновский и др., 2006; Кондратенко, Кирюшина, Богданов, 2020]. При этом в трети регионов России нет селективных вузов, что значительно ограничивает возможности учащихся реализовать свой образовательный потенциал [Громов и др., 2016]. Однако эта особенность распределения вузов по территории страны может не быть значима для потенциальных участников трека СПО, т. е. групп с относительно низким СЭП, представители которых реже поступают в селективные вузы [Прахов, Юдкевич, 2012].

Некоторые исследователи считают, что изменения происходят, помимо прочего, в личной мотивации выбора трека СПО — от преобладания вынужденности к рациональности [Константиновский, Попова, 2018]. Если в 2000-х основной мотивацией такого выбора была необходимость поскорее выйти на рынок труда, то в 2010-х многими студентами учреждений СПО при выборе образовательного трека руководило сочетание интереса к выбранной профессии и материальной необходимости. Причем мотивы обучающихся на программах подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ) и на программах вузов очень близки, тогда как у студентов программ подготовки квалифицированных рабочих и служащих (ППКРС) иные приоритеты — легкость трудоустройства и достойная заработная плата [Там же]. Однако нам противопоставление вынужденности и рациональности в выборе образовательного трека представляется неоправданным. Как следует из теории рационального действия [Goldthorpe, 1996], выбор, хотя и совершается рационально, т. е. с учетом издержек и потенциальных выгод, всегда происходит в конкретных социально-экономических условиях. Поэтому рациональность, осознанность выбора

трека СПО не отменяет его вынужденности в смысле социально-экономических оснований.

Социологические опросы показали, что основная причина выбора СПО — это «возможность раньше начать работать и недостаток средств для обучения в вузе» [Клячко, 2019]. При этом выявлены значимые межпоколенческие различия. В возрастной группе от 23 до 29 лет нехватка средств для обучения в вузе как ключевой мотивирующий фактор более значима, чем в более старшем возрасте, — для 26,6% респондентов против 17,9% в возрасте от 41 до 46 лет. Также нельзя сбрасывать со счетов более высокую значимость для молодого поколения фактора сложности обучения в старшей школе — стремлением избежать обучения в старших классах руководствовались 9,8% респондентов в старшей группе и 15,9% — в возрасте от 23 до 29 лет. Таким образом, согласно этим данным, именно финансовый фактор стал ключевым при выборе послешкольной траектории. При этом проблема нехватки средств для оплаты обучения в вузе намного острее стоит в регионах, чем в Москве. Данные рассмотренных социологических опросов подтверждают значимость СЭП, доходов семьи и места проживания как факторов выбора послешкольной образовательной траектории.

В поисках причин роста популярности трека СПО у российской молодежи в 2010-е годы мы будем исходить из основных положений рассмотренных теорий. Во-первых, в качестве социально-экономического контекста выбора образовательной траектории выступит уровень доходов домохозяйств. Среди родителей школьников все больше тех, кто имеет высшее образование: в 2010 г. 27,7% россиян в возрасте от 35 до 49 лет имели диплом вуза⁴, в 2019 г. — уже 32,8%⁵. Поэтому уровень образования родителей как фактор выбора послешкольной траектории может постепенно терять силу по мере обновления поколений родителей за счет тех, кто учился в период бума высшего образования в 2000-е годы. Во-вторых, мы будем удерживать рамку рационального выбора в логике теории рационального действия, т. е. взвешивать соотношение издержек и потенциальных выгод с позиции школьников и их семей.

2. Сектор СПО в 2010-е годы: расширение приема и охвата

СПО — крайне неоднородный сектор системы образования, включающий программы в диапазоне от 3-го до 5-го уровня Международной стандартной классификации образования (МСКО)⁶, от об-

⁴ Данные Всероссийской переписи населения 2010 г.: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b12_13/isswww.exe/stg/d2/07-03.htm

⁵ Рассчитано по данным репрезентативной выборки 28-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (2019 г.).

⁶ Программы подготовки квалифицированных рабочих и служащих отно-

щеобразовательной подготовки на программах после 9-го класса до третичного неуниверситетского профессионального образования, от подготовки рабочих⁷ до обучения специалистов для высокотехнологичных отраслей и креативных сфер занятости. Контингент учреждений СПО составляют как школьники, только что окончившие 9 или 11 классов, так и лица, получившие основное общее или среднее общее образование некоторое время назад, а также уже имеющие иное среднее профессиональное и даже высшее образование. Однако именно школьники формируют ядро контингента СПО — в 2020 г. на них пришлось 76% приема (850 тыс. человек).

Среднее профессиональное образование остается самым массовым видом профессионального образования среди взрослого населения России. По данным микропереписи населения 2015 г., обладателями диплома о СПО являются почти 45% россиян в возрасте от 25 до 64 лет. Исследователи ранее уже опровергали расхожий миф о всеобщем высшем образовании в России [Бессуднов, Куракин, Малик, 2017] — в той же возрастной группе имеющих высшее образование только 30,4%. Хотя среди более молодых респондентов (в возрасте от 25 до 34 лет) диплом вуза имеют 40,5% — здесь уже сказалась волна массовизации высшего образования нулевых годов [Бондаренко и др., 2020]. Однако в 2010-е произошла смена тренда, и теперь охват молодежи высшим образованием устойчиво снижается при соответствующем росте охвата программами подготовки специалистов среднего звена (рис. 1). 2015 г. стал переломным: охват молодежи ППССЗ превысил охват программами высшего образования.

Перераспределение потоков молодежи между колледжами и вузами наглядно отражают данные по приему. На фоне стагнирующего приема на программы бакалавриата и специалитета контингент программ подготовки специалистов среднего звена показывает стабильный рост (рис. 2). Среди поступивших на программы третичного образования уже более половины составляют студенты учреждений СПО. При этом число поступивших только на ППССЗ превысило число поступивших в вузы (на программы

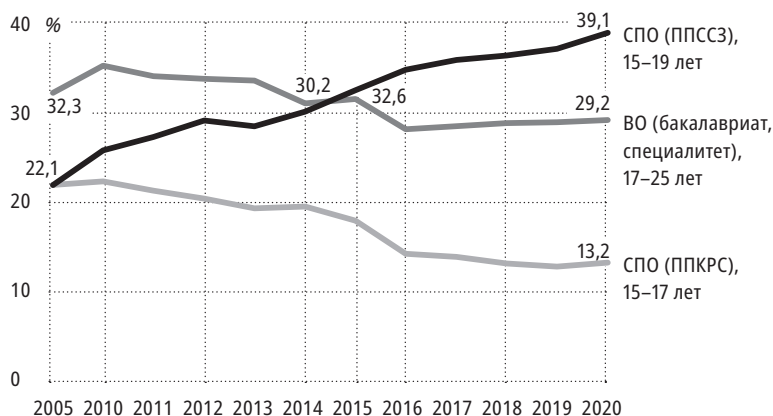

ются к 3–4-му уровням Международной стандартной классификации образования и не являются третичным образованием. Программы подготовки специалистов среднего звена в зависимости от продолжительности обучения (на базе 9 или 11 классов) и специфики программы относятся к 3–5-му уровням МСКО.

⁷ В соответствии со ст. 108 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» начальное профессиональное образование (НПО) включено в уровень СПО. Бывшие программы НПО получили наименование программ подготовки квалифицированных рабочих и служащих; программы СПО — программ подготовки специалистов среднего звена.

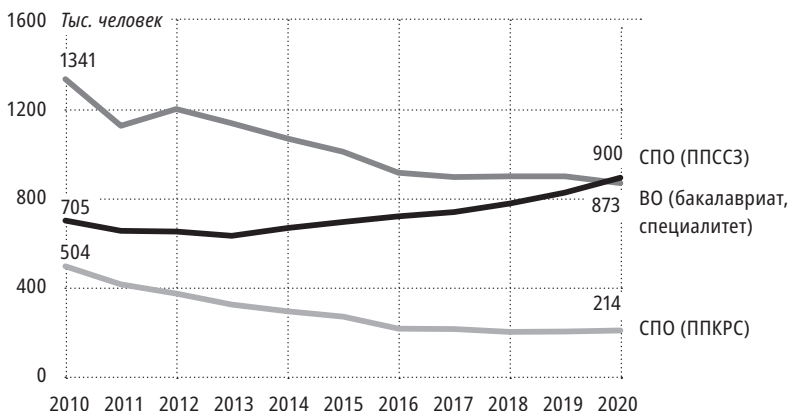

Рис. 1. Охват молодежи образовательными программами профессионального образования, доля соответствующей возрастной когорты

Источник: Составлено авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения СПО-1, ВПО-1, демографическим данным Росстата за соответствующие годы.

Рис. 2. Прием на программы высшего и среднего профессионального образования

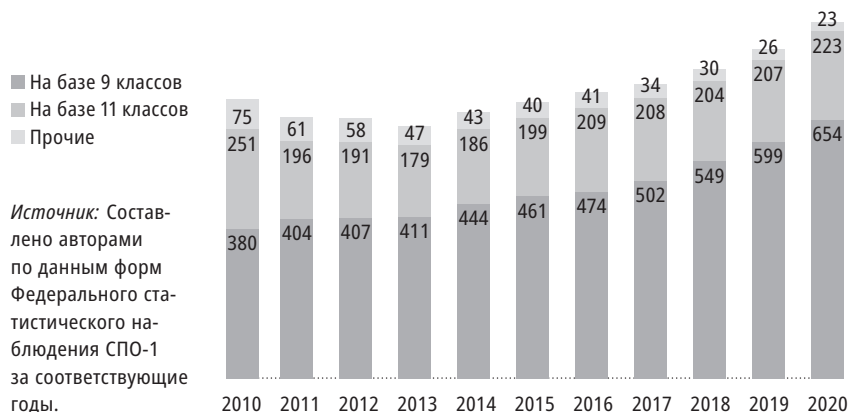
Источник: Составлено авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения СПО-1, ВПО-1 за соответствующие годы. Данные о приеме на ППКРС до 2016 г. очищены от приема на программы НПО в учреждениях ФСИН.

бакалавриата и специалитета) — 900 тыс. человек против 873 тыс. в 2020 г.

Расширение контингента системы СПО происходит за счет программ подготовки специалистов среднего звена, и в частности программ на базе 9 классов (рис. 3). Только в 2020 г. на эти программы были приняты 654 тыс. человек, что на 72% больше, чем в 2010 г. Все субъекты Российской Федерации показали заметный прирост приема в учреждения СПО, за исключением Красноярского края. При этом 39 регионов имеют динамику выше среднероссийской.

Рис. 3. Прием на программы подготовки специалистов среднего звена по уровню образования

Тыс. человек

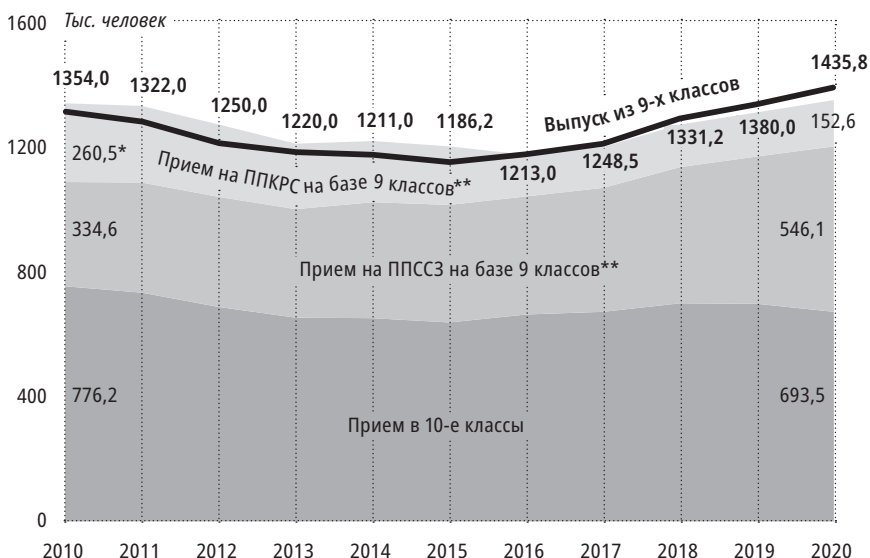
Источник: Составлено авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения СПО-1 за соответствующие годы.

Мы намеренно выделяем ППССЗ, программы 3–5-го уровней МСКО, в особую группу и отделяем от сегмента программ подготовки квалифицированных рабочих — бывших программ начального профессионального образования, которые аккумулировали контингент обучающихся со специфическими социально-экономическими характеристиками [Дудырев и др., 2019]. Постепенное сжатие этого сегмента по охвату и не растущий прием в первую очередь связаны с тем, что спрос на рабочие профессии объективно снижался в условиях изменений структуры российской экономики и рынка труда [Гимпельсон, Капелюшников, Рощин, 2017]. Программы ПКРС остаются важным, но изолированным и небольшим сегментом СПО, в наименьшей степени участвующим в перераспределении потоков между колледжами и вузами. Наблюдаемое расширение контингента российских колледжей и перераспределение обучающихся в пользу системы СПО происходит за счет программ подготовки специалистов среднего звена, поэтому в дальнейшем в статье мы рассматриваем потоки только в этом секторе СПО.

3. Рост популярности трека СПО и не-обходной маневр: потоки после 9-го и 11-го класса

Ключевая развилка в выборе образовательной траектории — окончание 9-го класса [Бессуднов, Малик, 2016; Хавенсон, Чиркина, 2019]. После получения основного общего образования школьник либо переходит в старшую школу, после которой большинство продолжают обучение в вузе, либо поступает в колледж, при этом сохраняя возможность в дальнейшем поступить в вуз без сдачи ЕГЭ. Именно в этой развилке после 9-го класса за послед-

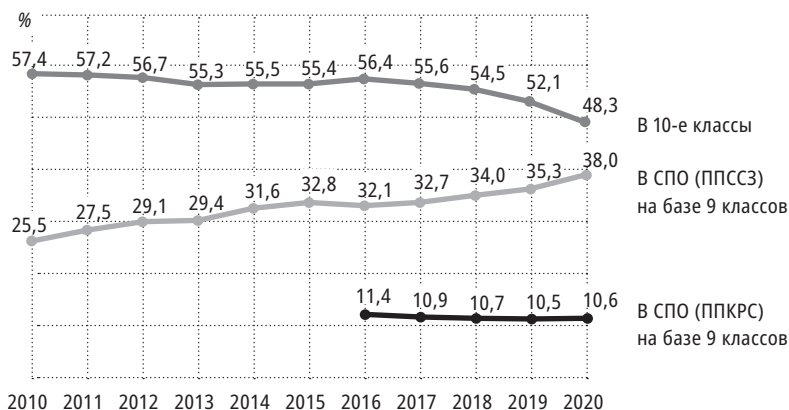
Рис. 4. Динамика выпуска из 9-х классов, приема в учреждения СПО на базе 9 классов, приема в 10-е классы

* Данные по приему 9-классников на ППКС до 2016 г. включают поступивших как в год получения основного общего образования, так и тех, кто окончил 9 классов ранее.
** Получено в текущем году.

Источник: Составлено авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения ОО-1, СПО-1 за соответствующие годы.

Рис. 5. Выбор образовательной траектории после 9-го класса: доля школьников, которые переходят в 10-й класс или продолжают обучение в колледже, от выпуска из 9-х классов

Источник: Составлено авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения ОО-1, СПО-1 за соответствующие годы

нее десятилетие произошли структурные изменения. Несмотря на то что страна постепенно выбирается из демографической ямы и численность 15-летних увеличивается, прием в 10-е классы стагнирует (рис. 4). Все больше 9-классников выбирают колледж для продолжения обучения. Если в 2010 г. на программы подготовки специалистов среднего звена после 9-го класса шли 25,4% школьников, то в 2020 г. — уже 38% (рис. 5). В целом на программы ПССЗ

Таблица 1. Динамика потоков по транзитной траектории «колледж — вуз»

Показатель	2013	2015	2016	2017	2018	2019	2020
«Транзитные» выпускники ППССЗ, человек	117 536	139 743	123 716	127 923	126 775	123 235	116 514
Доля «транзитных» выпускников ППССЗ в приеме в вузы, %	10,3	13,8	13,5	14,2	14,0	13,7	13,3
Доля выпускников ППССЗ, поступивших в вуз в текущем году, %	26,8	31,3	26,4	25,2	23,9	22,8	21,1
«Транзитные» выпускники ППКРС, человек	17 035	16 176	18 351	18 835	18 177	16 803	16 331
Доля выпускников ППКРС, поступивших в вуз в текущем году, %*	5,2	6,1	9,2	9,7	10,8	10,2	11,5
Доля «транзитных» выпускников ППКРС в приеме в вузы, %	1,5	1,6	2,0	2,1	2,0	1,9	1,9

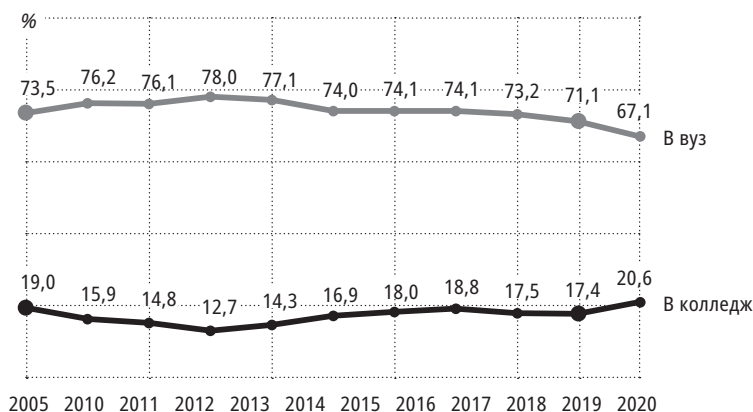
* Из данных за 2013–2015 гг. исключены выпускники программ НПО в учреждениях ФСИН.

Источник: Составлено авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения СПО-1, ВПО-1 за соответствующие годы.

и ПКРС в 2020 г. в колледжи ушли 48,6% выпускников 9-х классов (698,7 тыс. человек). В результате академическая и профессиональная траектории 9-классников стали сопоставимыми по численности потоков.

На первый взгляд, фиксируемое расширение приема на программы подготовки специалистов среднего звена на базе 9 классов (рис. 3) можно объяснить популярностью активно обсуждаемой транзитной траектории «девять классов — колледж — вуз» [Александров, Тенишева, Савельева, 2015]. Выпускники колледжей поступают в вуз без сдачи ЕГЭ, поэтому эту траекторию часто именуют обходным маневром. Однако данные о фактическом потоке выпускников колледжей, поступающих в вузы сразу после получения диплома о СПО, свидетельствуют о неправомочности такого объяснения. Объем транзитных потоков не только не растет, но сжимается даже в абсолютном выражении, несмотря на рост приема в систему СПО на базе 9 классов (табл. 1). Число «транзитных» обучающихся — выпускников колледжа, поступивших в вуз в год получения диплома о СПО, — снизилось с 139,7 тыс. человек в 2015 г. до 116,5 тыс. в 2020 г., а доля таких выпускников сократилась с 26,8 до 21,1%. Эти данные также опровергают распространенное мнение, сложившееся на основе опросов студентов учреждений СПО, — о том, что большинство из них планируют получать высшее образование сразу после окончания колледжа: 53,6% студентов ППССЗ, по данным Мониторинга экономики образования 2015 г. Таким образом, наблюдаемый рост приема в учреждения СПО не объясняется расширением транзитного трека «колледж — вуз».

Рис. 6. Выбор образовательной траектории после 11 классов: доля поступивших в колледжи и вузы среди выпуска из 11-х классов

Источник: Составлено авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения ОО-1, СПО-1, ВПО-1 за соответствующие годы.

Обходной путь выпускников колледжей в вуз активно обсуждается в научной литературе, однако структура этих транзитных потоков остается недостаточно исследованной. Например, мало внимания уделяется тому факту, что, по данным Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования за 2019 г., 14,1% контингента учреждений СПО (440,2 тыс. человек) приходится на сегмент колледжей в составе вузов, где создаются условия для единой траектории «колледж — вуз» при обучении на преемственной специальности. Отсутствие достоверных данных не дает оснований для однозначного суждения, однако, учитывая многочисленные косвенные свидетельства (рекламные кампании вузов по привлечению в свои колледжи, вузовские стратегии ускоренной подготовки СПО-ВО), можно предположить, что вузовский сегмент СПО вносит существенный вклад в поддержание транзитной траектории «колледж — вуз».

Переход в старшую школу признается академической траекторией еще до поступления в вуз, поэтому образовательная траектория после 11-го класса в контексте СПО практически не обсуждается. Однако и после 11-го класса школьники оказываются перед выбором, и здесь наметились важные сдвиги. С 2013 г. происходит постепенное снижение доли 11-классников, поступающих в вузы, — с 78 до 67% в 2020 г. (рис. 6) при одновременном росте доли идущих в колледжи с 12,7 до 20%. Окончившие 11-й класс выбирают между вузом и колледжем, тогда как решение, принимаемое после 9-го класса, трудно назвать выбором «или — или», учитывая, что треть выпускников колледжей продолжают обучение в вузе сразу после получения СПО. После 11-го класса колледж — это уже точно не способ избежать обучения в селективной старшей школе и сдачи ЕГЭ, а реальная аль-

альтернатива обучению в вузе: вынужденное решение, обусловленное социально-экономическим положением семьи [Хавенсон, Чиркина, 2018], или вполне осознанный выбор. Однако данные 2020 г. стоит трактовать с известной осторожностью: заметный рост популярности трека СПО у 11-классников может быть не только развитием наметившегося тренда, но и реакцией на условия пандемии. Этот вопрос требует отдельного исследования.

Колледжи в последние десять лет при перераспределении потоков молодежи получили значительный прирост контингента и показателей охвата. Расширение системы СПО происходит за счет программ подготовки специалистов среднего звена на базе 9 классов, однако их популярность не объясняется ростом числа желающих использовать обходной путь в вуз. Одновременно происходит постепенное сжатие потоков академической траектории после 11-го класса. Таким образом, можно говорить о реальном росте популярности у молодежи профессиональной образовательной траектории, за которым не стоит использование колледжей в качестве «перевалочных пунктов» на пути к высшему образованию.

4. Реакция системы СПО на изменение потоков: «пузыри» спроса и барьеры системы

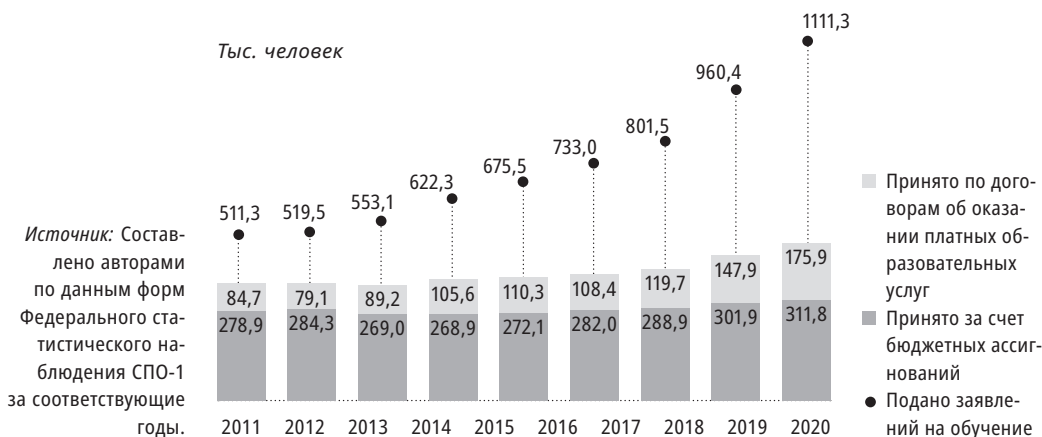
Рост спроса на профессиональную траекторию у школьников отразился на основных характеристиках системы СПО. Еще пять лет назад траектория СПО была безбарьерной: конкурс по большей части отсутствовал, а прием велся преимущественно на бюджетные места. Однако с 2015 г. в системе произошли существенные перемены.

Во-первых, начался стремительный рост числа заявлений, как следствие, появился конкурс: от 2,3 заявления на место в среднем по России на программах для 9-классников до 2,6 — для 11-классников (рис. 7–8). По данным Федерального статистического наблюдения № СПО-1, конкурс на программах для 11-классников к 2019 г. появился в 47 регионах против 28 в 2014 г., а на программах на базе 9 классов конкурс в отдельных регионах, например в Тюменской области, доходил до 6 человек на место.

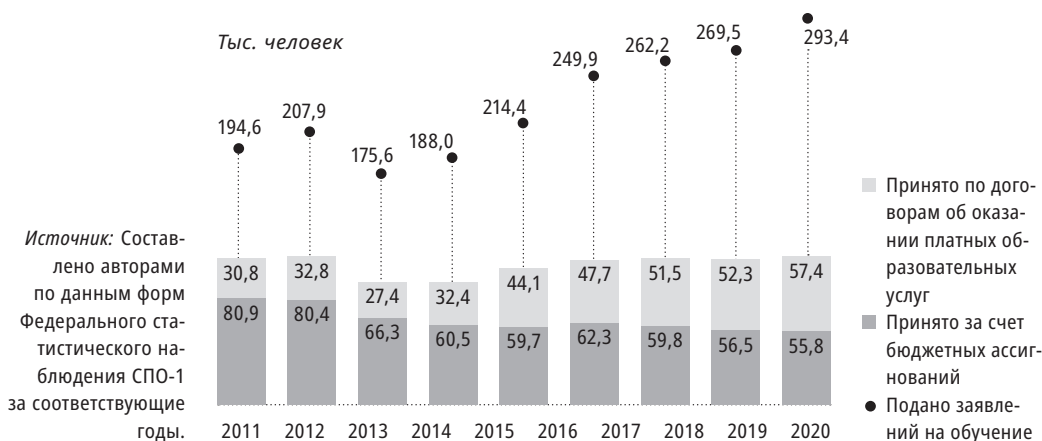
Во-вторых, растет число обучающихся на платной основе: в 2019 г. они составили 36% контингента на программах для 9-классников. В сегменте программ на базе среднего общего образования сложилась нетипичная для системы СПО ситуация, когда число поступивших по договору превысило число «бюджетников». Если в 2014 г. доля приема по договору была выше бюджетного только в 9 регионах России, то в 2020 г. — уже в 58 (рис. 9). Такое положение в сегменте ППССЗ 11-классников наблюдается в условиях стагнации приема, «упирающегося» в контрольные цифры приема (КЦП), при опережающем спросе, отражающемся в количестве заявлений.

В-третьих, качественные изменения происходят на уровне выбора специальностей. За пять лет сервисные специальности

Рис. 7. Прием в учреждения СПО на программы подготовки специалистов среднего звена на базе 9 классов (поступили в колледж в год окончания 9 классов)

Рис. 8. Прием в СПО на программы подготовки специалистов среднего звена на базе среднего общего образования (поступили в колледж в год окончания 11 классов)

утвердились в качестве основных направлений на программах подготовки специалистов среднего звена, аккумулировав 60% приема в 2019 г. (рис. 10.1). Прием на «традиционные» промышленные направления не сокращается, но именно сервисные направления подготовки стали объектом нового спроса 9-классников в СПО и основой прироста контингента. Локомотивом спроса 9-классников стали ИТ-специальности (рис. 10.2), что соответствует запросу на массовые профессии в области цифровой экономи-

Рис. 9. Количество субъектов РФ по доле платного приема на ППССЗ на базе 11 классов (окончили в текущем году)

Источник: Составлено авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения СПО-1 за соответствующие годы.

ки. Число заявлений на ИТ-специальности выросло в рекордные 2,8 раза, однако прием — только в 1,6 раза.

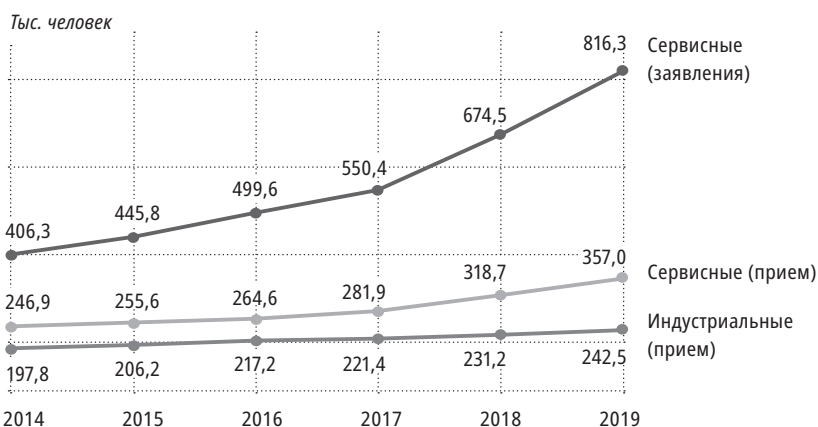
В сегменте программ на базе 11 классов ситуация схожая. Выпускники 11-х классов предъявляют повышенный спрос на сервисные направления, специальности с нежесткой квалификационной иерархией, например в сфере информационных технологий и СМИ (табл. 2). При этом на некоторые специальности нет конкурса — это либо традиционные индустриальные направления, такие как машиностроение и химические технологии, либо «старые» сервисные — юриспруденция, ветеринария и зоотехния.

Возникновение «пузырей» спроса на отдельных специальностях и практически полное отсутствие конкурса на других очень симптоматично. Это расхождение между приемом, который регулируется объемом КЦП, определяемых на региональном уровне, и спросом школьников и их семей ставит под вопрос готовность системы к меняющемуся спросу. В частности, в программах ПССЗ на базе среднего общего образования прием остается неизменным при растущем спросе, что уже привело к ужесточению борьбы абитуриентов не только за бюджетные, но и за платные места.

В 2016 г. Министерство образования и науки РФ ввело норматив⁸, в соответствии с которым субъектам Федерации рекомендуется набирать на программы СПО (ППКРС и ППССЗ) 50% молодежи в возрасте 15–19 лет, имеющей основное общее и среднее общее образование, причем этот норматив распространяется как на бюджетный, так и на платный прием. Необходимость соответ-

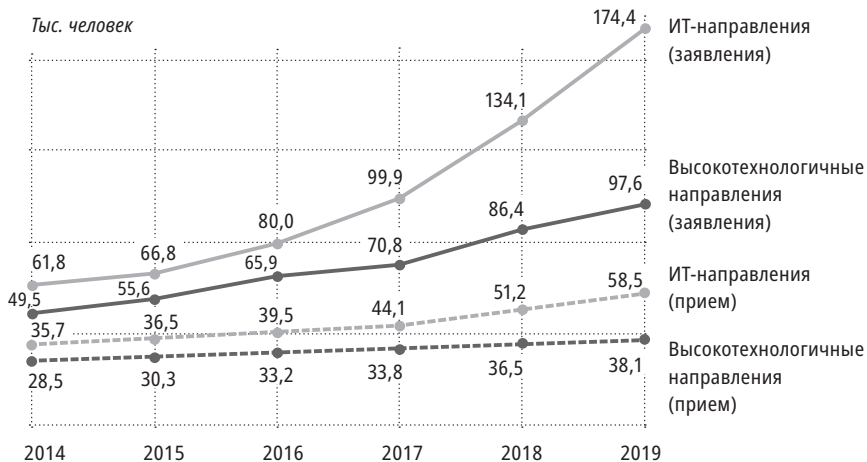
⁸ «Методические рекомендации по развитию сети образовательных учреждений и обеспеченности населения услугами таких организаций...» № АК-15/02 ВН от 04.05.2016.

Рис. 10.1. Заявления 9-классников на обучение в учреждениях СПО по сервисным специальностям и прием на разные типы ППССЗ

Источник: Составлено авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения СПО-1 за соответствующие годы.

Рис. 10.2. Прием и заявления 9-классников на разные типы ППССЗ

Источник: Составлено авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения СПО-1 за соответствующие годы.

ствия нормативу в условиях выхода из демографической ямы обострила существующие ограничения и приоритеты в секторе СПО.

По мере того как старшая школа становилась все более селективной, система СПО превращалась в равнозначный с ней институт среднего общего образования [Дудырев, Романова, Шабалин, 2017]. Выполняя важную социальную функцию, колледжи стали «школой второго шанса» для академически менее успешных учеников, которые вынуждены покинуть систему общего образования после 9-го класса. Поэтому субъекты Федерации вынуждены формировать КЦП в приоритетном порядке для абитуриентов на базе 9 классов, учитывая закрепленную в ст. 43 Конституции РФ гарантию «общедоступности <...> среднего профессионального образо-

Таблица 2. Динамика количества заявлений, поданных на обучение на ППСЗ на базе среднего общего образования, агрегированных до укрупненных групп специальностей, ед. (по приросту и наличию конкурса)

Укрупненная группа специальностей	2015	2017	2019	Прирост к 2015 г., %	Конкурс на место в 2019 г.
Информационная безопасность	1 228	2 130	3 133	155	3,5
Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело	969	1 519	2 221	129	2,8
Информатика и вычислительная техника	13 144	18 423	25 535	94	2,9
Аэронавигация и эксплуатация авиационной и ракетно-космической техники	3 186	43 05	5 942	87	2,8
Сервис и туризм	12 585	16 238	19 898	58	2,2

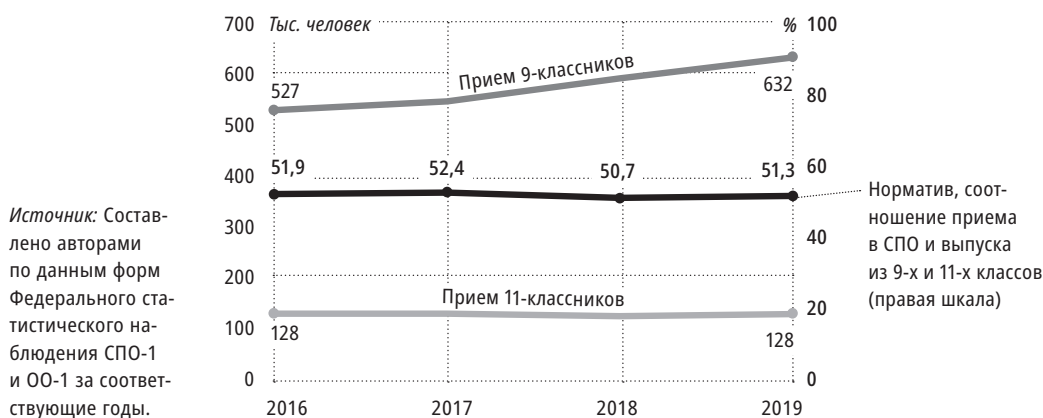
Источник: Составлено авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения СПО-1 за соответствующие годы.

вания», тогда как КЦП для выпускников 11-х классов формируются по остаточному принципу (рис. 11). Таким образом, выполнение норматива не сказалось на приеме на программы для 9-классников, однако сегмент СПО на базе 11 классов оказался «заморожен».

Ригидность системы СПО перед лицом меняющегося спроса проявляется не только в соотношении КЦП на программах для 9- и 11-классников, но и в возникших «пузырях» на отдельных специальностях. Регионы, опираясь на существующие методики прогнозирования кадровой потребности, в первую очередь стремятся обеспечить рабочими кадрами крупные промышленные предприятия [Дудырев и др., 2019], а также подготовить достаточное число специалистов социальной сферы. В итоге растущий спрос молодежи на креативные, сервисные и информационно-технологические специальности не находит ответа в КЦП (рис. 12). В этих условиях наиболее обеспеченные домохозяйства все чаще «голосуют рублем», увеличивая долю платного приема, как это происходит в сегменте программ после 11-го класса, что, в свою очередь, приводит к перераспределению бюджетных мест в пользу более социально значимых программ на базе 9 классов.

Меняющийся спрос молодежи на программы СПО вскрыл ограничения действующей архитектуры системы СПО. Гарантия общедоступности сохраняется для социально значимых программ на базе 9 классов. Однако этот сегмент проявляет слабую чувствительность к изменениям спроса на специальности. Самым ригидным оказывается относительно небольшой — по сравнению с программами на базе 9 классов — сегмент программ для 11-классников.

Рис. 11. Прием 9- и 11-классников в колледжи после введения норматива по охвату молодежи СПО

В условиях общего снижения доступности высшего образования и «заморозки» приема на программы на базе 11 классов выпускники старшей школы из семей с невысоким СЭП оказываются в особенно уязвимом положении. Экстренные меры, связанные с пандемией, в 2020 г. только обострили эту проблему, и к заявлениям 11-классников, изначально намеревавшихся получить СПО, присоединились те, кто по тем или иным причинам оказался «вытолкнут» из академической траектории.

5. Новая привлекательность трека СПО: в поисках экономического обоснования

Зафиксированные перемены в спросе молодежи на послешкольные образовательные траектории имеют сложную природу и не могут быть сведены к одному принципиальному объяснению. Здесь можно говорить о сочетании разных факторов — как внешних для системы образования, так и внутренних.

С одной стороны, растущий интерес молодежи к треку СПО определяется изменениями в смежных уровнях образования. Повышение селективности старшей школы и снижение доступности высшего образования вносят ощутимый вклад в перераспределение потоков между колледжами и вузами. Так, институционализация ЕГЭ как экзамена с высокими ставками, включение среднего балла ЕГЭ в состав ключевых показателей эффективности региональных властей сказались на динамике переходов в 10-е классы [Дудырев и др., 2019]. Одновременно происходит сжатие сети вузов, сокращение бюджетных мест на массовых бакалаврских программах, снижение территориальной доступности высшего образования в большинстве регионов России [Малиновский, Шибанова, 2020]. Системы общего и высшего образования «выталки-

Рис. 12. Доля поступивших от числа подавших заявления по направлениям подготовки на программах ПССЗ на базе среднего общего образования, 2019 г., %

вают» обучающихся, сокращая шансы школьников с невысоким СЭП на академический трек.

С другой стороны, рост спроса может быть также свидетельством реального интереса и доверия к треку СПО — результатом действия «притягивающих» факторов. С 2012 г. на государственном уровне получило развитие международное движение *WorldSkills*. Соревнования, призванные повысить престиж рабочих профессий в мире, переросли в России в полноценный инструмент развития сектора СПО [Dudyrev et al., 2019] за счет внедрения передовых отраслевых стандартов, переоснащения колледжей и мастерских, переподготовки преподавателей, введения демонстрационного экзамена. На эти и другие инициативы под эгидой *WorldSkills-Россия* предусмотрено 30,2%⁹ бюджета федерального проекта по развитию профессионального и высшего образования «Молодые профессионалы» в расчете до 2024 г.¹⁰ Обновление имиджа колледжей силами *WorldSkills* пока не получило оценки в академических исследованиях. Тем не менее невозможно отрицать

⁹ Включая финансирование проведения международного чемпионата *WorldSkills-Kazan 2019*.

¹⁰ Рассчитано по данным Паспорта федерального проекта «Молодые профессионалы»: https://minobr.gov-murman.ru/files/Nach_proekty/molodye_prof/fp_molodye_professionalny_09102019.pdf

общий позитивный информационный фон для развития СПО, созданный инициативами последних лет.

Поскольку дифференциация послешкольных траекторий во многом продиктована различиями в социально-экономическом статусе семей, изменение материального положения домохозяйств выступает важным внешним фактором для принятия решения и взвешивания баланса издержек и потенциальных выгод. Реальные располагаемые доходы населения России снижаются с 2014 г. (рис. 13). Сжатие доходов происходит во всех децильных доходных группах, кроме самой высокодоходной, десятой. Так, во всех группах, которые относят к среднедоходным (децили с 3-го по 9-й [Solimano, 2008]) в 2015–2018 гг. происходило сокращение реальных доходов (рис. 14).

Продолжающееся снижение реальных доходов населения не могло не сказаться на расходах на образование. Изменение расходов домохозяйств на услуги СПО и высшего образования по децильным доходным группам показано на рис. 15.1 и 15.2.

Текущие события входят в противоречие с привычными представлениями о том, что обучение в вузе — это выбор среднего класса, а колледж, скорее, для нижних доходных групп. Расходы на высшее образование сместились в наиболее высокодоходные группы и резко сократились в группах среднего класса (5–7-й децили). Одновременно в этих среднедоходных группах увеличились расходы на СПО. Особенно примечательна опережающая динамика расходов на услуги СПО в 8-й группе, которая представляет собой верхний слой среднего класса и часто рассматривается как контрольная группа для оценки потребительского поведения «настоящего» среднего класса [Овчарова и др., 2013]. Аналогичные явления зафиксировало и Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, проведенное Росстатом в 2017 г. Представителей самых высокодоходных групп (4-й и 5-й квинтили) среди контингента СПО в 2013 г. было всего 31%, а в 2017 г. — уже 52%¹¹. Таким образом, сектор СПО получил приращение за счет принципиально нового для него в социально-экономическом отношении контингента — это дети представителей среднего класса.

Итак, есть основания полагать, что в условиях продолжающегося ухудшения социально-экономического положения домохозяйств для ряда семей профессиональная образовательная траектория детей (в форме обучения в колледже на программе подготовки специалистов среднего звена) становится реальной

¹¹ Оценка ПУЛ «Развитие университетов» Института образования НИУ ВШЭ по данным Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, Росстат, 2017.

Рис. 13. **Динамика реальных располагаемых доходов населения России в 2014–2019 гг., % (2014 г. = 100)**

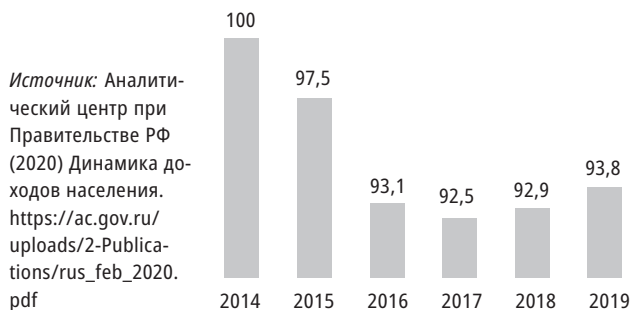
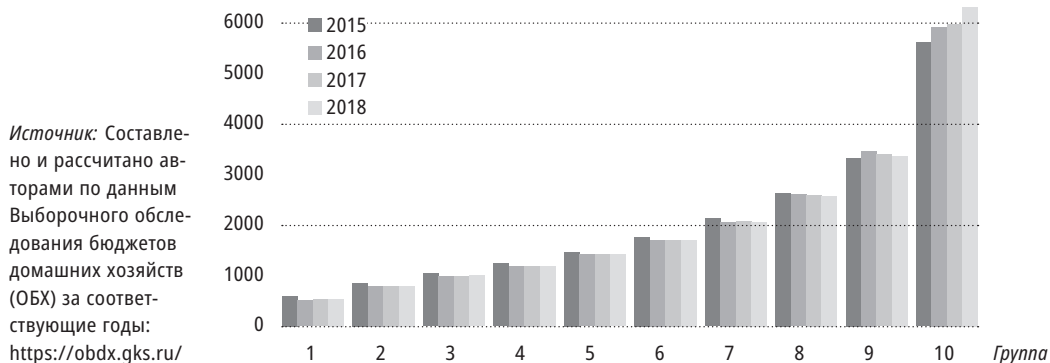

Рис. 14. **Динамика реального денежного дохода домохозяйств по доходным группам (децили) в 2015–2018 гг., на 100 членов домохозяйств в месяц, тыс. руб. (данные приведены по ИПЦ 2015 г.)**

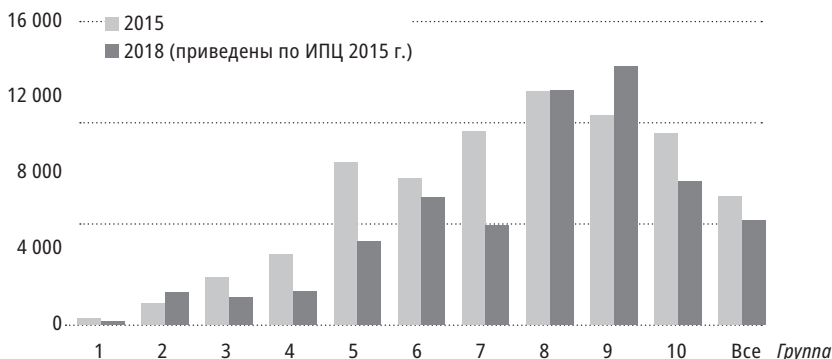

альтернативой обучению в вузе. При этом «выталкивающее» воздействие сложившаяся социально-экономическая ситуация оказывает не только на низкодоходные слои населения [Абанкина, Абанкина, 2020], но и на семьи со средним доходом. Конечно, здесь требуются дополнительные исследования: принимается ли это решение как среднесрочное, так что спрос на высшее образование оказывается отложенным, или же мы наблюдаем содержательный разворот в ожиданиях от образовательной и профессиональной траектории. Существующие данные по поступающим в вузы обладателям диплома колледжа не дают оснований говорить о всплеске отложенного спроса. С 2015 г. доля имеющих среднее профессиональное образование в приеме в вузы зафиксировалась на уровне 35%, и этот показатель не растет¹².

¹² По данным форм Федерального статистического наблюдения СПО-1 и ВПО-1.

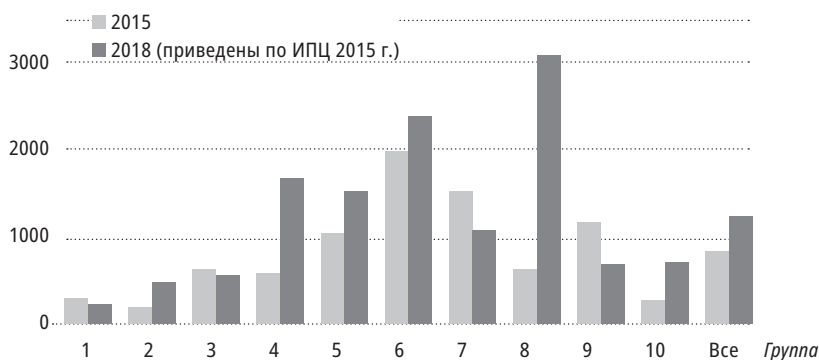

Рис. 15.1. Изменение расходов домохозяйств на услуги в высшем образовании по доходным группам (децили) в 2015–2018 гг., в среднем на 100 членов домохозяйств в месяц, руб.

Источник: Составлено и рассчитано авторами по данным Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБХ) за соответствующие годы: <https://obdx.gks.ru/>

Рис. 15.2. Изменение расходов домохозяйств на услуги в СПО по доходным группам (децили) в 2015–2018 гг., в среднем на 100 членов домохозяйств в месяц, руб.

Источник: Составлено и рассчитано авторами по данным Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБХ) за соответствующие годы. <https://obdx.gks.ru/>

Почему СПО может быть рациональным выбором в условиях сжатия реальных доходов домохозяйств и действия иных «вытесняющих» факторов? Мы видим здесь три ключевых основания.

5.1. Стоимость получения образования

Расходы на получение высшего образования объективно выше, чем на СПО. Во-первых, по данным Мониторинга экономики образования, стоимость обучения в колледже в среднем в 2 раза ниже, чем в вузе, плюс более короткий срок обучения — чуть менее трех лет в колледже после 11-го класса или около четырех лет после 9-го класса против четырех лет бакалавриата. Во-вторых, совокупные расходы на обучение в вузе часто включают дополнительные затраты, связанные с переездом и проживанием: вузов гораздо меньше, чем колледжей, и они распределены по территории

страны неравномерно. (По данным Мониторинга качества подготовки кадров и Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, в 2019 г. в стране насчитывалось 4627 колледжей против 1264 вузов с учетом филиалов.) В итоге дополнительные расходы составляют более 70% общих ежегодных расходов на обучающегося в вузе [Громов и др., 2016]. В-третьих, отдельная статья расходов при выборе академической траектории связана с подготовкой к поступлению в вуз. Так, по данным опросов студентов, 50% из них перед поступлением посещали подготовительные курсы и 28% занимались с репетиторами [Клячко и др., 2019. С. 6]. Также важно учесть, что каналы более дешевого и менее рискованного получения высшего образования во многом перекрыты: с середины 2010-х годов ликвидированы многие вузовские филиалы (численность вузов сократилась на 1000 организаций за 2015–2018 гг.), а также сокращено число бюджетных мест на заочной форме обучения [Малиновский, Шибанова, 2020].

5.2. Рабочие места, соответствующие квалификации

Поступление в вуз или колледж — это выбор не только образовательной траектории, но и трудовой. Мотивы, связанные с заработной платой, престижем профессии, — важнейшие для обеих групп студентов [Константиновский, Попова, 2016]. Высшее образование, безусловно, дает более высокую отдачу на заработную плату в сравнении с дипломом о СПО — в 3–5 раз [Melianova et al., 2020]. Если исходить из этой логики, выбор очевиден: необходимо получать высшее образование. Однако едва ли не важнее при выборе образовательной траектории ориентироваться на то, удастся ли после окончания колледжа или вуза найти работу соответствующего уровня квалификации, имеется ли в экономике необходимое количество рабочих мест приемлемого качества? Заняв рабочее место ниже уровня полученной квалификации, специалист получает «штраф» на зарплату, т. е. зарабатывает меньше, чем специалисты, занимающие места в соответствии с их квалификацией. По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, каждый четвертый работник в стране имеет избыточное образование, а штраф для работников с высшим образованием доходит до трети заработной платы [Гимпельсон, Капелюшников, Лукьянова, 2010]. Насколько оправданно в таком случае фиксируемое сегодня перераспределение потоков молодежи между колледжами и вузами с точки зрения изменений на рынке труда?

Исследования изменений, происходивших в профессиональной структуре занятости в России в 2000–2015 гг., показали, что повышенный спрос на высшее образование в этот период можно считать экономически обоснованным [Гимпельсон, Капелюшников, Роцин, 2017]. Увеличение доли занятых с высшим образованием (по данным Росстата, с 20,6 до 32,2%) было обусловлено

не только факторами предложения, т. е. ростом выпуска специалистов из вузов, но и факторами спроса — перестройкой отраслевой структуры экономики, в результате которой вырос спрос на высококвалифицированных работников, в частности в сфере услуг. Однако ресурс структурных сдвигов как обстоятельство, разгоняющих спрос на специалистов высокой квалификации, уже практически исчерпан, отраслевая структура экономики «зафиксировалась». В условиях продолжающейся стагнации в экономике угроза возникновения «пробки» из высококвалифицированных специалистов становится вполне реальной. Также важно учитывать потенциальные эффекты поляризации рабочих мест, которая фиксируется во многих современных экономиках [Гимпельсон, Капелюшников, 2015]. При поляризации происходит вымывание среднего сегмента рабочих мест — позиций, связанных с рутинным, в том числе умственным, трудом, т. е. массового сегмента занятости обладателей дипломов вузов. В России подобные эффекты еще не зафиксированы, но поляризация рабочих мест и обострение проблемы избыточной квалификации рабочей силы представляются вполне вероятными в среднесрочной перспективе [Gimpelson, 2019].

Однако абитуриенты и их родители едва ли располагают этой информацией — а значит, их рациональность при принятии решений о том, куда поступать, ограничена. С другой стороны, учитывая социально-экономический портрет студентов колледжа, можно предположить, что именно их семьи могут столкнуться с обозначенными выше проблемами — рутинным трудом, «штрафом» за избыточный уровень образования — и явно или неявно посылать рынку сигнал о не оправдавшихся ожиданиях от диплома вуза. В итоге реалии рынка труда, в которых существуют родители абитуриентов, создают коллизию с условием рационального образовательного выбора [Breen, Goldthorpe, 1997] — недопущением нисходящей социальной мобильности, т. е. получением образования не ниже уровня, имеющегося у родителей.

5.3. Альтернатива вузу по отдельным специальностям

Сама постановка вопроса об альтернативности профессионального и академического треков в известной степени спорна, учитывая детерминированность выбора траектории социально-экономическими факторами, а также различия в ожидаемых карьерных треках и заработной плате. Если и можно говорить об альтернативности, то искать ее стоит, во-первых, на уровне отдельных специальностей и профессиональных сфер, где квалификационные уровни не зафиксированы жестко; во-вторых, в программах с максимально близкими квалификационными характеристиками выпускника — в сегменте ППССЗ, относящихся к 5-му уровню МСКО (в мировой практике этот уровень — ниша программ ассоциата и иногда прикладного бакалавриата) и близких к первому уровню высшего образования (6-й уровень МСКО).

Одиннадцатиклассники, подающие заявления в колледжи и вузы, проявляют повышенный интерес к одним и тем же специальностям (табл. 3). При этом набор наиболее популярных у 11-классников специальностей по большей части состоит из креативных сервисных профессий, т.е. специальностей с нежесткой квалификационной иерархией. Как показывает международный опыт, во многих из этих профессиональных областей диплом о высшем образовании не является порогом для входа в профессию и в целом перестает играть роль фильтра при отборе [Brown, Souto-Otero, 2020; Chevaillier, Duru-Bellat, 2017]. Более того, именно требование к опыту работы остается главным препятствием при трудоустройстве у российских выпускников колледжей и вузов [Лопатина и др., 2020].

По многим креативным специальностям, востребованным сервисным направлениям поступить в вузы на бюджет оказывается невозможно. Так, в 2019 г. на направления подготовки в области общественных наук 83% абитуриентов вузов поступили на платной основе [Абанкина, Абанкина, 2020]. При таких условиях выявленные совпадения в интересующих школьников направлениях подготовки в вузах и колледжах трудно списать на перекрестную подачу заявлений — страховку на случай непоступления в вуз.

Главный аргумент в пользу не-альтернативности обучения в вузе и колледже — более низкая отдача от диплома о СПО. Не оспаривая общую закономерность, важно внести одно уточнение. Отдача от высшего образования неоднородна и, среди прочего, зависит от статуса вуза по качеству подготовки¹³. Выпускники наиболее селективных вузов в России зарабатывают на 23% больше выпускников вузов с самым низким показателем качества [Рощин, Рудаков, 2016]. При этом школьники со сравнительно низкими социально-экономическими характеристиками чаще поступают в неселективные вузы [Прахов, Юдкевич, 2012; Прахов, 2015]. Поэтому те, кто выбирает трек СПО после 11-го класса, т.е. выпускники со сравнительно низким СЭП [Хавенсон, Чиркина, 2018], стоят не просто перед выбором — поступить в колледж или в вуз, они, скорее, выбирают между неселективным вузом и колледжем. Это потребует специальной эмпирической проверки, однако можно предположить, что разница в отдаче от диплома колледжа и вуза в таком случае может оказаться не столь уж драматичной на этапе выхода на рынок труда, учитывая специфику популярных специальностей и снижающуюся роль диплома в качестве фильтра в этих сферах.

Растущая популярность трека СПО — следствие усиливающих друг друга факторов со стороны системы образования, негативной экономической динамики и состояния рынка труда. Семьи и ин-

¹³ Границей между селективным (с относительно высоким качеством) и неселективным вузом считается средний балл ЕГЭ поступивших студентов — от 70 баллов для селективного вуза [Добрякова, Кузьминов, 2016].

Таблица 3. Наиболее популярные направления подготовки среди ППСЗ и программ высшего образования, по приросту числа заявлений в 2015–2019 гг.

УГСН	ППСЗ на базе 11 классов		Бакалавриат, специалитет	
	Место по динамике заявлений	Прирост в 2019 г. по отношению к 2015 г., %	Место по динамике заявлений	Прирост в 2019 г. по отношению к 2015 г., %
Информационная безопасность	2	155,1	5	73,6
СМИ и информационно-библиотечное дело	4	129,2	9	53,6
Ветеринария и зоотехния	5	102,0	11	46,6
Информатика и вычислительная техника	6	94,3	3	86,9
Аэронавигация и эксплуатация авиационной и ракетно-технической техники	7	86,5	6	63,4
Физическая культура и спорт	9	62,0	15	39,1
ИЗО и прикладные виды искусств	11	52,5	18	36,2
Сестринское дело	12	46,5	10	49,5
Архитектура	15	38,5	14	41,0

Источник: Рассчитано авторами по данным форм Федерального статистического наблюдения СПО-1, ВПО-1 за соответствующие годы.

дивиды принимают рациональные решения в новых обстоятельствах, взвешивая новый баланс издержек и потенциальных выгод. Сложившийся социально-экономический контекст подталкивает группы со средним доходом, для которых академический трек стал менее доступным, делать выбор в пользу обучения в колледже. При этом трек СПО перестает быть безбарьерным, возникает «ценз», что создает напряжение для уязвимых групп населения.

6. Дискуссия Мы наблюдаем реальное расширение спроса молодежи на трек СПО, которое уже не списать на стратегию обхода ЕГЭ на пути в вуз. Это осознанный и рациональный выбор семей и школьников в пользу колледжа как послешкольной траектории. Однако вряд ли этот сдвиг можно считать заслугой сектора СПО, хотя за последние годы в нем и произошли заметные положительные изменения, в том числе имиджевые. Выбор образовательной траектории осуществляется в конкретных социально-экономических условиях, которые определяют баланс издержек и потенциальных выгод от поступления в колледж и вуз. С середины 2010-х годов происходит устойчивое сокращение реальных доходов домохозяйств, снижение доступности высшего образования, возникает угроза избытка высококвалифицированных специалистов в си-

туации стагнирующей экономики. Эти факторы «выталкивают» школьников из семей с невысоким доходом из более дорогой и длинной академической траектории в трек СПО. При этом в зоне особого риска с точки зрения неравенства образовательных возможностей оказываются 11-классники из семей с невысоким СЭП, для которых и обучение в вузе исключено по экономическим причинам, и СПО становится все менее доступным. В пандемичный 2020 год эти тенденции особенно обострились.

Сектор СПО разрастается и, кажется, получил второе дыхание, но при этом обнаруживает неготовность к развороту спроса. Ригидность институционального устройства и практик взаимодействия с рынком труда, умноженная на колоссальные масштабы системы, не позволяет сектору оперативно отреагировать на изменившиеся запросы населения. Программы подготовки не перестраиваются в соответствии со спросом на профессии, при норме общедоступности разрастается платный прием, растущий спрос 11-классников на программы СПО остается для этого сектора системы образования «невидимым». Получив за последние годы новый контингент из среднего класса, система СПО стала при сохранении прежней институциональной структуры и функций еще более разнородной — она и школа «второго шанса», и способ подготовки специалистов для высокотехнологичных и креативных отраслей. В условиях, когда система СПО все еще готовит основной объем рабочих кадров в стране и активно прирастает 9-классниками, с новой силой могут заявить о себе и старые проблемы, такие как качество общеобразовательной подготовки.

Развилка между академической и профессиональной траекториями — важнейший водораздел и пространство для воспроизводства неравенства. В 2010-е годы институционализировалась третья траектория — транзитная: переход из колледжа в вуз без сдачи ЕГЭ и обучение в ускоренном формате. Очевидно, что по содержанию это и не академический, и не профессиональный трек, а траектория-химера, вынужденный выбор в условиях жесткости существующих треков¹⁴. В России не заполнен зазор между средним профессиональным образованием и высшим образованием: отсутствуют относительно короткие программы подготовки специалистов-техников высшей квалификации по аналогии с международными образцами — программами ассоциата или прикладного бакалавриата [Чугунов, Васильев, Фрумин, 2010]. О перспективных направлениях такой подготовки можно судить по спросу 11-классников на одни и те же специальности в вузах и колледжах, имен-

¹⁴ Мы не исключаем, что последовательное получение среднего профессионального и высшего образования может быть органичной образовательной траекторией в контексте развития карьеры. Также выбор трека СПО-ВО может свидетельствовать о стремлении последовательно развивать компетенции в одной профессиональной области, как это часто происходит в педагогике или медицине.

но эти направления потенциально могут составить основу таких программ. Попытка введения прикладного бакалавриата в России через инициативы «сверху» не увенчалась успехом. Возможно, складывающаяся рыночная ситуация и запрос населения станет лучшим ориентиром в создании этой «буферной зоны» в системе образования и индикатором ее готовности.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Авторы благодарят за обсуждение материалов статьи и содержательные комментарии И. В. Абанкину, В. А. Болотова, Ф. Ф. Дудырева, И. А. Кравченко, Д. Ю. Куракина, С. С. Малиновского, Д. П. Платонову, П. В. Травкина, И. Д. Фрумина, Е. Д. Шибанову.

Литература

1. Абанкина И. В., Абанкина Т. В. (2020) Равенство прав vs равенство возможностей в сфере высшего образования // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 47. № 3. С. 205–214.
2. Александров Д. А., Тенишева К. А., Савельева С. С. (2015) Мобильность без рисков: образовательный путь «в университет через колледж» // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 3. С. 66–91.
3. Аналитический центр при Правительстве РФ (2020) Динамика доходов населения. https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf
4. Беляков С. А., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А. (2018) Среднее профессиональное образование. Состояние и прогноз развития. М.: Дело.
5. Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. М. (2017) Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 3. С. 83–109.
6. Бессуднов А. Р., Малик В. М. (2016) Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 1. С. 135–167.
7. Бондаренко Н. В., Бородина Д. Р., Гохберг Л. М. и др. (2020) Индикаторы образования: 2020. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ.
8. Вишневская Н. Т., Гимпельсон В. Е., Зудина А. А., Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л., Шарунина А. В. (2017) Профессии на российском рынке труда. М.: НИУ ВШЭ.
9. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. (2015) «Поляризация» или «улучшение»? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы // Вопросы экономики. № 7. С. 87–119.
10. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л. (2010) Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный? Препринт WP3/2010/09. М.: ГУ ВШЭ.
11. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Рошин С. Ю. (ред.) (2017) Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. М.: НИУ ВШЭ.
12. Громов Д. П., Платонова Д. П., Семенов Д. С., Пырова Т. Л. (2016) Доступность высшего образования в регионах России. М.: НИУ ВШЭ.
13. Добрякова М. С., Кузьминов Я. И. (ред.) (2016) Качество приема в российские вузы — 2015. М.: НИУ ВШЭ.
14. Дудырев Ф. Ф., Романова О. А., Шабалин А. И., Абанкина И. В. (2019) Молодые профессионалы для новой экономики: среднее профессиональное образование в России. М.: НИУ ВШЭ.
15. Дудырев Ф. Ф., Романова О. А., Шабалин А. И. (2017) Старшая школа и ее альтернативы в советской и российской практике. М.: НИУ ВШЭ.

16. Клячко Т. Л., Авраимова Е. М., Логинов Д. М., Полушкина Е. А. и др. (2019) Трудоустройство молодежи. Выбор в пользу СПО. М.: РАНХиГС.
17. Кондратенко В. А., Кирюшина М. А., Богданов М. Б. (2020) Образовательные притязания российских школьников: факторы и возрастная динамика. М.: НИУ ВШЭ.
18. Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Рощина Я. М. (2006) Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 2. С. 186–202.
19. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. (2020) Среднее vs высшее // Мир России. Т. 29. № 2. С. 6–26.
20. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. (2018) Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. № 3. С. 34–44.
21. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. (2016) Отношение молодежи к образованию в современной России // Общественные науки и современность. № 1. С. 5–19.
22. Лопатина М. В., Леонова Л. А., Травкин П. В., Рощин С. Ю., Рудаков В. Н. (2020) Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда. М.: НИУ ВШЭ.
23. Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. (2020) Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М.: НИУ ВШЭ.
24. Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Пишняк А. И., Шепелева Е. В. (2013) От стандарта выживания к ответственному выбору // Pro et Contra. Т. 17. № 6 (61). С. 6–34.
25. Попов Д. С., Тюменева Ю. А., Ларина Г. С. (2013) Жизнь после девятого класса: как личные достижения учащихся и ресурсы их семей влияют на жизненные траектории? На материалах лонгитюдного исследования // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 4. С. 310–334.
26. Прахов И. А. (2015) Барьеры доступа к качественному высшему образованию в условиях ЕГЭ: семья и школа как сдерживающие факторы // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 1. С. 88–117.
27. Прахов И. А., Юдкевич М. М. (2012) Влияние дохода домохозяйств на результаты ЕГЭ и выбор вуза // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 1. С. 126–147.
28. Рощин С. Ю., Рудаков В. Н. (2016) Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников // Вопросы экономики. Т. 12. № 8. С. 74–95.
29. Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. (2019) Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. Т. 17. № 4. С. 539–554.
30. Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. (2018) Эффективно поддерживаемое неравенство. Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России // Экономическая социология. Т. 19. № 5. С. 66–89.
31. Чиркина Т. А. (2018) Социально-экономическое положение и выбор образовательной траектории учащимися: теоретические подходы к изучению взаимосвязи // Экономическая социология. Т. 19. № 3. С. 109–121.
32. Чугунов Д. Ю., Васильев К. Б., Фруммин И. Д. (2010) Введение программ прикладного бакалавриата в российскую систему образования: зачем и как? // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 4. С. 247–267.
33. Boudon R. (1974) Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society. New York: John Wiley & Sons.
34. Breen R., Goldthorpe J. H. (1997) Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory // Rationality and Society. Vol. 9. No 3. P. 275–305.
35. Brown P., Souto-Otero M. (2020) The End of the Credential Society? An Analysis of the Relationship between Education and the Labour Market Using Big Data // Journal of Education Policy. Vol. 35. No 1. P. 95–118.
36. Chevaillier T., Duru-Bellat M. (2017) Diploma Devaluation. The Ins and Outs // J. C. Shin, P. Teixeira (eds) Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions. Dordrecht: Springer. P. 1–5.

37. Dudyrev F., Froumin I., Maltseva V., Loshkareva E., Tatarenko E. (2019) *WorldSkills Approaches to Comparable Skills Assessment in Vocational Education*. Moscow: HSE.
38. Gimpelson V. (2019) The Labor Market in Russia, 2000–2017 // *IZA World of Labor*, Germany. No 466. P. 1–13.
39. Goldthorpe J.H. (1996) Class Analysis and the Reorientation of Class Theory: The Case of Persisting Differentials in Educational Attainment // *British Journal of Sociology*. Vol. 47. No 3. P. 481–505.
40. Lucas S.R. (2001) Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects // *American Journal of Sociology*. Vol. 106. No 6. P. 1642–1690.
41. Melianova E., Parandekar S., Patrinos H.A., Volgin A. (2020) Returns to Education in the Russian Federation. Some New Estimates. Policy Research Working Paper No 9387. Washington, DC: World Bank.
42. Raftery A.E., Hout M. (1993) Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–1975 // *Sociology of Education*. Vol. 66. No 1. P. 41–62.
43. Solimano A. (2008) The Middle Class and the Development Process. CEPAL — Serie Macroeconomía del desarrollo no 65. Santiago, Chile: United Nations. https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/5432/1/S0800297_en.pdf
44. Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education // *Sociology of Education*. Vol. 91. No 3. P. 224–241.

References

- Abankina I.V., Abankina T.V. (2020) Ravenstvo prav vs ravenstvo vozmozhnostey v sfere vysshego obrazovaniya [Equality of Rights vs Equality of Opportunities in Higher Education]. *Journal of the New Economic Association*, vol. 47, no 3, pp. 205–214.
- Alexandrov D., Tenisheva K., Savelyeva S. (2015) Mobilnost bez riskov: obrazovatelnyy put "v universitet cherez kolledzh" [No-Risk Mobility: Through College to University]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 3, pp. 66–91.
- Analytical Center under the Government of the Russian Federation (2020) *Dinamika dokhodov naseleniya* [Dynamics of Income of the Population]. Available at: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (accessed 4 April 2021).
- Belyakov S.A., Klyachko T.L., Polushkina E.A. (2018) *Srednee professionalnoe obrazovanie. Sostoyaniye i prognoz razvitiya* [Secondary Vocational Education. State and Forecast of Development]. Moscow: Delo.
- Bessudnov A., Kurakin D., Malik V. (2017) Kak vznik i chto skryvaet mif o vseobshchem vysshem obrazovanii [The Myth about Universal Higher Education: Russia in the International Context]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 3, pp. 83–109.
- Bessudnov A., Malik V. (2016) Sotsial'no-ekonomicheskoe i gendernoe neravenstvo pri vybere obrazovatel'noy traektorii posle okonchaniya 9-go klassa sredney shkoly [Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 135–167.
- Bondarenko N.V., Borodina D.R., Gokhberg L.M. et al. (2020) *Indikatory obrazovaniya: 2020. Statisticheskiy sbornik* [Education Indicators: 2020: A Statistical Compendium]. Moscow: HSE.
- Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society*. New York: John Wiley & Sons.
- Breen R., Goldthorpe J.H. (1997) Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory. *Rationality and Society*, vol. 9, no 3, pp. 275–305.
- Brown P., Souto-Otero M. (2020) The End of the Credential Society? An Analysis of the Relationship between Education and the Labour Market Using Big Data. *Journal of Education Policy*, vol. 35, no 1, pp. 95–118.
- Chevaillier T., Duru-Bellat M. (2017) Diploma Devaluation. The Ins and Outs. *Encyclope-*

- dia of International Higher Education Systems and Institutions* (eds J. C. Shin, P. Teixeira), Dordrecht: Springer, pp. 1–5.
- Chirkina T. A. (2018) Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie i vybor obrazovatel'noy traektorii uchashchimisya: teoreticheskie podkhody k izucheniyu vzaimosvyazi [Review of Theoretical Approaches to the Study of the Relationship between Students' Socio-Economic Status and Educational Choice]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 3, pp. 109–121.
- Chugunov D., Vasil'ev K., Froumin I. (2010) Vvedenie programm prikladnogo bakalavriata v rossiyskuyu sistemu obrazovaniya: zachem i kak? [Introduction of Applied Bachelor Programs in Russian Education System: How and What For?]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 247–267.
- Dobryakova M. S., Kuzminov Ya. I. (eds) (2016) *Kachestvo priyoma v rossiyskie vuzy—2015* [Quality of Admission to Russian Universities-2015]. Moscow: HSE.
- Dudyrev F., Froumin I., Maltseva V., Loshkareva E., Tatarenko E. (2019) *WorldSkills Approaches to Comparable Skills Assessment in Vocational Education*. Moscow: HSE.
- Dudyrev F. F., Romanova O. A., Shabalin A. I. (2017) *Starshaya shkola i eyo alternativy v sovetskoj i rossiyskoj praktike* [High School and Its Alternatives in Soviet and Russian Practice]. Moscow: HSE.
- Dudyrev F. F., Romanova O. A., Shabalin A. I., Abankina I. V. (2019) *Molodye professionally dlya novoy ekonomiki: srednee professionalnoe obrazovanie v Rossii* [Young Professionals for the New Economy: Secondary Vocational Education in Russia]. Moscow: HSE.
- Gimpelson V. (2019) The Labor Market in Russia, 2000–2017. *IZA World of Labor, Germany*, no 466, pp. 1–13.
- Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I. (2015) Polyarizatsiya ili uluchshenie? Evolyutsiya struktury rabochikh mest v Rossii v 2000-e gody [Polarization or Upgrading? Evolution of Employment in Transitional Russia]. *Voprosy ekonomiki*, no 7, pp. 87–119.
- Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I., Luk'yanova A. L. (2010) *Uroven obrazovaniya rossiyskikh rabotnikov: optimalny, izbytochny, nedostatochny?* [The Level of Education of Russian Employees: Optimal, Excessive, Insufficient?]. Working paper WP3/2010/09. Moscow: HSE.
- Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I., Roshchin S. Yu. (eds) (2017) *Rossiyskiy rynek truda: tendentsii, instituty, strukturnye izmeneniya* [Russian Labor Market: Trends, Institutions, Structural Changes]. Moscow: HSE.
- Goldthorpe J. H. (1996) Class Analysis and the Reorientation of Class Theory: The Case of Persisting Differentials in Educational Attainment. *British Journal of Sociology*, vol. 47, no 3, pp. 481–505.
- Gromov D. P., Platonova D. P., Semyonov D. S., Pyrova T. L. (2016) *Dostupnost vysshego obrazovaniya v regionakh Rossii* [Accessibility of Higher Education in the Regions of Russia]. Moscow: HSE.
- Khavenson T. E., Chirkina T. A. (2018) Effektivno podderzhivaemoe neravenstvo. Vybor obrazovatel'noj traektorii posle 11-go klassa shkoly v Rossii [Effectively Maintained Inequality. The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia]. *Economic Sociology*, vol. 19, no 5, pp. 66–89.
- Khavenson T. E., Chirkina T. A. (2019) Obrazovatel'ny vybor uchashchikhsya posle 9-go i 11-go klassov: sravnenie pervichnykh i vtovichnykh effektov sotsialno-ekonomicheskogo polozheniya sem'I [Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status]. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 17, no 4, pp. 539–554.
- Klyachko T. L., Avraamova E. M., Loginov D. M., Polushkina E. A. et al. (2019) *Trudoustroystvo molodyozhi. Vybor v polzu srednego professionalnogo obrazovaniya* [Youth Employment. Choosing a Secondary Vocational Education]. Moscow: RANEPa.
- Kondratenko V. A., Kiryushina M. A., Bogdanov M. B. (2020) *Obrazovatel'nye prityazaniya rossiyskikh shkolnikov: factory i vozrastnaya dinamika* [Educational Aspirations of Russian Schoolchildren: Factors and Dynamics]. Moscow: HSE.
- Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2020) Srednee vs vysshee [Vocational vs Higher Education]. *Universe of Russia*, vol. 29, no 2, pp. 6–26.

- Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2018) Rossiyskoe srednee professionalnoe obrazovanie: vostrebovannost i spetsifika vybora [Russian Secondary Professional Education: Demand and Specificity of Choice]. *Sociological Studies/Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 3, pp. 34–44.
- Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2016) Otnoshenie molodyozhi k obrazovaniyu v sovremennoy Rossii [The Intention of Young People to Higher Education as an Important Resource of Innovative Development of Russia]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 1, pp. 5–19.
- Konstantinovskiy D. L., Vahshtajn V. S., Kurakin D. Yu., Roshchina Ya. M. (2006) Dostupnost' kachestvennogo obshchego obrazovaniya v Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya [The Accessibility of Quality Education in Russia: Opportunities and Restrictions]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 186–202.
- Lopatina M. V., Leonova L. A., Travkin P. V., Roshchin S. Yu., Rudakov V. N. (2020) *Vypuskniki srednego professionalnogo i vysshego obrazovaniya na rossiyskom rynke truda* [Graduates of Secondary Vocational and Higher Education in the Russian Labor Market]. Moscow: HSE.
- Lucas S. R. (2001) Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects. *American Journal of Sociology*, vol. 106, no 6, pp. 1642–1690.
- Malinovskiy S. S., Shibanova E. Yu. (2020) *Regionalnaya differentsiatsiya dostupnosti vysshego obrazovaniya v Rossii* [Regional Differentiation of Access to Higher Education in Russia]. Moscow: HSE.
- Melianova E., Parandekar S., Patrinos H. A., Volgin A. (2020) *Returns to Education in the Russian Federation. Some New Estimates*. Policy Research Working Paper no 9387. Washington, DC: World Bank.
- Ovcharova L. N., Popova D. O., Pishnyak A. I., Shepeleva E. V. (2013) Ot standarta vyzhivaniya k otvetstvennomu vyboru [From the Standard of Survival to Responsible Choice]. *Pro et Contra*, vol. 17, no 6 (61), pp. 6–34.
- Popov D., Tyumeneva Y., Larina G. (2013) Zhizn' posle devyatogo klassa: kak lichnye dostizheniya uchashchikhsya i resursy ikh semey vliyayut na zhiznennyye traektorii? Na materialakh longitudnogo issledovaniya [Life after 9th Grade: How Do Personal Achievements of Students and their Family Resources Influence Life Trajectories]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 310–334.
- Prakhov I. (2015) Bar'ery dostupa k kachestvennomu vysshemu obrazovaniyu v usloviyakh EGE: sem'ya i shkola kak sderzhivayushchie faktory [Barriers Limiting Access to Quality Higher Education in the Context of the USE: Family and School as Constraining Factors]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 88–117.
- Prakhov I., Yudkevich M., (2012) Vliyanie dokhoda domokhozyaystv na rezul'taty EGE i vybor vuza [Effect of Family Income on USE Performance and the Choice of University]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 126–147.
- Raftery A. E., Hout M. (1993) Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–1975. *Sociology of Education*, vol. 66, no 1, pp. 41–62.
- Roshchin S. Yu., Rudakov V. N. (2016) Vliyanie "kachestva" vuza na zarabotnuyu platu vypusknikov [The Effect of University Quality on Graduates' Wages]. *Voprosy ekonomiki*, no 8, pp. 74–95.
- Solimano A. (2008) The Middle Class and the Development Process. CEPAL — Serie Macroeconomía del desarrollo no 65. Santiago, Chile: United Nations. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/5432/1/S0800297_en.pdf (accessed 2 April 2021).
- Vishnevskaya N. T., Gimpelson V. E., Zudina A. A., Kapelyushnikov R. I., Luk'yanova A. L., Sharunina A. V. (2017) *Professii na rossiyskom rynke truda* [Professions on the Russian Labor Market]. Moscow: HSE.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*, vol. 91, no 3, pp. 224–241.